

Хотимская трагедия 1942 года

На окраине Хотимска за льнозаводом находится братская могила. Скорбная надпись на памятнике гласит:

«Родителям, детям, братьям и сестрам, погибшим от рук фашистских захватчиков 4 сентября 1942 года. От вечно скорбящих родных».

Хотимчане приносят сюда живые цветы — город помнит, какой ценой завоеваны мир и счастье.

О том трагическом дне 4 сентября 1942 года в школьном музее СШ № 1 хранятся материалы: воспоминания очевидцев, акт о зверствах немецко-фашистских захватчиков на территории г. п. Хотимска от 27 сентября 1943 г., рукопись Максимцова М. Д. «На земле белорусской. Сборник очерков и рассказов о воинах 50-й армии, участниках освобождения Советской Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков в 1943—1944 г.г.», поэма нашего земляка Михаила Карпенко «Левка», напечатанная в сборнике «Поющие пески». Ашхабад, «Туркменистан», 1990 г.

55 лет прошло с того трагического дня. Вот о чём свидетельствуют документы.

Из воспоминаний М. Д. Максимцова:

«Фашистские палачи согнали всё еврейское население юго-восточной части Могилевской области в Хотимск к противотанковому рву и на протяжении нескольких часов расстреливали их из автоматов. Осужденные на смерть подвергались издевательствам. Грудных детей зарывали в землю живыми или добивали прикладами. Хотимская трагедия состоялась 4 сентября 1942 г., но ещё догло дышала над противотанковым рвом земля. Всё это хорошо врезалось в память воинам Советской Армии. Противотанковый ров, вырытый еще в 1941 году, окружал Хотимск с запада. На рассвете 26 сентября 1943 г. разведчики спешили на политую кровью землю. Трудно представить состояние разведчиков и всего 3-го стрелкового батальона, которые со снятыми касками стояли на месте злодеяния. Слезы сыпались из глаз, а рука вдина сжимала крепче автомат, из груди вырывался крик: «Что вы сделали, палачи, с

на казнь, и тот успел бросить живьём эту крошку в ров, где лежали расстрелянные евреи. Когда полицейский нес ребенка по улице к месту казни, ребенок кричал, звал на помощь свою мать, которая не могла услышать плач своей дочери. Женщины стояли и плакали и проклинали отца-зверя в человеческом облики».

Из воспоминаний Надежды Линьковой:

«Под страхом позорной и мучительной смерти жили мы эти два года. Каждую минуту к нам могли ворваться гестаповцы, их презренные наймиты и учинить расправу. Фашисты не миновали ни русских, ни белорусов, ни евреев.

В 1942 году гестаповцы всё лето сгоняли еврейское население в Хотимск: женщин, детей, стариков. За моим мужем, директором кинотеатра, пришли ночью. Одеться ему не разрешили. Перевернув всё в доме, полицейские начали примерять туфли и одежду мужа. Когда я подошла, чтобы забрать их, фашист цинично выкрикнул: «Всё равно

людям, немецкие зарвавшиеся псы приказали нашить жёлтые звёзды на одежду и не ходить по улицам, люди на это смотрели с ужасом и возмущением. Они навещали соседей, носили им пищу, делились, чем могли...».

В поэме «Левка» наш земляк поэт Михаил Карпенко писал о тех днях:

«ЛЕВКА»

В свинцовых тучах
Солнышко мерцало
И гром гремел
За Еленкой-рекой.
У Семенёно пили полицаи
Лихой первач
За Левкин упокой.
А мы смотрели жалобно,
неловко

И предрешали
Левкину судьбу.
А он стоял,
Угрюмый мальчик Левка,
Привязанный веревкою
к столбу.
Мы Левке отсылали
сигареты,
А он пускал колечки
из ноздрей.

Сегодня он отправлен будет
В гетто:
Был Левка наш
По нации еврей.
Совали хлеб мы в

Он, возвратился
В свой район, домой.
Как сына Леву
Встретили сельчане,
Парнишку согревала
доброта.

Но горько плакал
Длинными ночами
В пустой квартире
Круглый сирота.
Был пастухом,
Косил траву солдаткам,
Не по годам
Был крепок и высок.
Но только пареньку
Жилось несладко,
И в горле хлеба
Застревал кусок.
Мы к Левке
Приходили вечерами,
Стояли, он на припечке
сидел.

Он нам стихи читал
О доброй маме
И песни пел.
О, как он грустно пел!
Тяжелый крест свой
Нес покорно Левка,
Как будто воду,
Не пролив, с ведра...
И вот стоял он,
Стянутый веревкой,
У старосты-иуды
Средь двора.
У подлеца на волю
не просился,
Он все стерпел:

«...Немецкие оккупанты, занявши городской поселок, подвергли массовому уничтожению советскую интеллигенцию, советский и партийный актив, рабочих, колхозников, членов семей военнослужащих. Совершая массовые аресты, гестаповцы уводили советских людей к противотанковому рву на окраине г. п. Хотимска и в сад местной больницы, где размещалась комендатура. Там фашисты подвергали свои жертвы страшным издевательствам — мучили раскаленным железом, зарывали в землю, совершали массовые расстрелы. Причем под страхом смертной казни запрещалось родным и близким хоронить убитых. В противотанковом рву около льнозавода валяются останки расстрелянных жителей.

Здесь 4 сентября 1942 г. произошла страшная трагедия: немецкие нелюди собрали всё еврейское население Хотимска — около 600 человек — и на протяжении двух часов расстреливали из автоматов. Перед расстрелом осужденные на смерть подвергались зверскому избиению, о чем свидетельствуют багрово-синие полосы на спинах раздетых наголо перед наказанием людей. Грудных детей, малых фашисты зарывали в землю живыми или добивали прикладами автоматов. Долго ещё вздымалась земля над этой братской могилой...

Из акта о зверствах немецко-фашистских захватчиков на территории Хотимска от 27 сентября 1943 г.».

людьми!». Но каждый понимал, что только после полного уничтожения фашистского зверя на земле можно спасти человечество.

Незаметно сюда подъехали несколько машин. Из них вышли члены ЦК Компартии Белоруссии и члены правительства, командующий армией и член Военного совета. Сняв шапки, они долго стояли с поникшими головами около противотанкового рва, где находились останки замученных патриотов. Генерал-майор Карамышев А. М., член Военного совета, подошел к майору стрелкового батальона Чуб И. Л. и сказал:

— Пока в нашей груди бьётся сердце, этого забыть нельзя.

И в ответ прозвучало:
— Не забудем!!!».

Из воспоминаний А. Л. Генькина:

«...На сторону немцев перешел судья Хотимска Шагов. Жена у него была еврейка Гуревич Рива и двухлетняя дочь Леночка. Когда вели евреев на расстрел, он через полицейского направил их в колонну обреченных. Когда шла колонна евреев на казнь по Колхозной улице мимо дома, где жил Шагов с семьей, соседи русские не смогли этого перенести и силой забрали дочь Шагова и занесли её отцу, сказав: «Пусть останется в живых это безвинное дитя. Мы тебе поможем её растить». Когда женщины ушли, этот подонок, изверг, который предал свою Родину, велел полицейскому занести ребенка

они ему больше не нужны. Скоро и твой черед наступит. Сегодня с евреями упрямимся, а завтра за белорусов возьмемся». И, оттолкнув меня в угол, мужа увели, скрутив ему руки.

4 сентября мы, жители Хотимска, запомнили на всю жизнь. Избитые и окровавленные, с гордо поднятыми головами, шли они в последний раз по тихим улицам Хотимска. Они поддерживали друг друга, шли с малыми детьми на руках. Тех, кто падал, фашисты добивали прикладами или штыками. Кровавый след тянулся за этим печальным шествием...».

Из воспоминаний Елены Ильиничны Майоровой, учительницы, оказавшейся в оккупированном Хотимске:

«...Мы в Хотимске. Поселка коснулась рука войны. Это было видно. Здесь нам пришлось столкнуться лицом к лицу с врагом, здесь пришлось нам увидеть своими глазами, почувствовать на своих плечах все ужасы немецкой оккупации. Страшные и коварные враги чинили свои дела. Они врывались в дома к перепуганным людям, брали и требовали пищу и вещи, ругали и били людей, заставляли их чистить себе обувь, мыть их собак, требовали снимать перед ними шапки, кланяться и называть их только «панями».

С первых же дней войны эти сыны фюрера начали чинить расправу и издевательства над семьями евреев. Неповинным ни в чем

Левкины карманы
Его холщовых
Латаных штанов.

А он молчал,
А он смотрел туманно
На сверстников,
На нас, на пацанов.
У Залмана был дом
Под красной крышей,
Был он мастак
По части шорных дел.
Он был добряк:
В большой деревне Вишни
Дружить со всеми
Семьями умел.
Он, как и все,
В деревне жил счастливо,
Держал авторитет

на высоте.
Ему жена, заботливая
Рива,
Дала в подарок семерых
детей.
Среди детей — любимец
Лева,

Писал стихи,
Был мальчик волевой.
Газета областная
в Могилеве
Однажды напечатала его.
Когда войны вблизи
Гремели залпы
И был повержен
Город Могилев,
Собрал пожитки
Шорник Залман
И на восток направил
рысаков.

Волна войны
Катилась днем и ночью,
Шел лютый враг
В тот месяц напролом.
И беженцев настиг
Немецкий летчик
И расстрелял их
Где-то под Орлом.
Он заходил, стервятник,
Справа, слева,
Косил людей
Наводкою прямой...
В живых из всех
Остался только Лева,

Обиды, слезы, боль.
И от росинок мелких
серебрился
Его кудрявый волос,
Будто смоль.
Дрожали мелко
Левкины коленки,
Он в те минуты
Будто постарел.
И вышел на крылечко
Семененко.
Вокруг себя
Надменно посмотрел.
И всласть над пареньком
куражась,
Достал наган,
На руку положил.
Сказал:

— Беги в кусты,
я разрешаю.
Уйдешь от пули —
Значит, будешь жив.
Потом спяна
«Хайль Гитлер!» —
воскликая
И лапая руками в сенях
баб,

Во двор шатаясь,
Вышли полицей
И Левку отвязали
от столба
Потом удобно
На телеги сели,
А Левку привязали позади.
И выехали, и затарахтели
Тяжелые телеги:
«Плачь, гляди!».

Сверкали сытых
Лошадей подковки,
Широкий тракт
Пылится и дрожал.
И вдруг наш добрый,
Наш товарищ Левка
Вприпрыжку вслед
За лошадей бежал.
Его тяжелой
Плеткою стегали,
И от ударов
Падал он плашмя.
Мы кулачками
Слезы вытирали
И мчались в Хотимск,

Головы сломя.
Тропинку знали,
Нам с нее не сбиться,
У нас, мальцов,
Был острый нюх и глаз.
Нам так хотелось
С Левкою проститься
И глянуть на него
В последний раз.
Нам обжигало кожу
Злобным ветром.
Мы падали
И поднимались вновь,
И так бежали
Двадцать километров
До гетто, где лилась
Невинных кровь.
Нас Хотимск встретил
Шумом, криком, воем.
Прижал к земле
И растворил нас ад.
Вели понурых узников
С конвоем
На берег речки Беседь
В школьный сад.
А люди шли
Под дулом автоматов
С мольбами,
С причитаньем: «ох!»
да «ах!»...
У всех на спинах —
Желтые заплаты,
Испуг и безысходность
в их глазах.
Несли мужчины
На плечах лопаты
И каждый — хмур,
С заплаканным лицом.
И били их
Немецкие солдаты
Прикладами,
Дубинками,
Свинцом.
Шел следом и наш староста
С винтовкой:

Вблизи от нас
Два свежих котлована
Зияли жуткой,
Мрачной глубиной.
И в этот час проклятый,
Самый черный,
Рыдали люди,
Плыл над садом гам.
Сгоняли к котлованам
Обреченных
И ставили в ряды
По берегам.
Шумели грозно
Липы вековые.
И долго, долго
Пир кровавый шел.
И падали сраженные,
Живые,
Красивый и мужской,
И женский пол.
И корчились евреи
В яме, в муках;
Смеялась зло карателей
толпа.
Потом живым
Лопаты дали в руки
И приказали
Мертвых закопать.
Затем и тех в сторонке
расстреляли...
Их даже не засыпали
песком.
Мы на закате Хотимск
покидали,
Брели домой
Пришиблено, молчком.
Дождь моросил
И ночь над садом стыла,
Слеталось воронье
Со всех сторон.
И горбились,
И дыбились могилы,
Из-под земли
Был долго слышен стон...
Вот так мы

Хотя и было
Далеко оно.
Однажды ночью
Постучался кто-то
В наш дом,
В мое замерзшее окно.
Я подошел к окну
Почти что голый.
Прислушался.
Протер со сна глаза.
И я в ночи
Услышал
Левкин голос...
«Но Левка — мертвый!
Просто чудеса!».
— Да это я.
Впусти быстрее погреться.
Я повидаться.
Просто на ходу.
От радости моё
забило сердце.
И я с дверей
Отбросил щеколду.
Я отыскал в печурке
Быстро губку.
Кресалом чиркнул,
Губку к фитильку.
И он вошел
В солдатском полушубке,
С винтовкой,
С пистолетом на боку.
Глядел на Левку и
Глазам не верил!
Я был в одних кальсонах
И босой.
Я с ног его
До головы измерил,
Потом обнял. Спросил:
— Живой?
— Живой!
— Каким ты чудом?
— Из могилы вышел.
— Ну как же,
ведь стреляли?
— Уцелел.

— Нет, мне в дорогу.
— В Брянские леса?
Свою винтовку
Он поставил к стенке
И улыбнулся хитро,
Во весь рот.
— Мы тут забрали
Гада Семененко
Ну и пустили подлого
в расход.
А ты молчи.
И никому ни слова.
А я бегу!
Там ждут меня давно.
— Возьми меня с собою,
Слышишь, Левка?
— В отряд?
— В отряд.
— Пока исключено.
И он ушел —
Народный мститель Левка,
Поправший смерть.
Боец в пятнадцать лет.
Висела на плече его
Винтовка,
На поясе — гранаты,
пистолет.
Ночную встречу
Я держал в секрете.
Светило солнце ярче
в небесах.
Завидовал,
Мечтал.
Наступит лето —
И я отправлюсь
В Брянские леса.
Я примерял
Отцовскую одежду,
Святую память,
Но тонул я в ней.
И все ж питал
Великую надежду
На чудо,
На удачу летних дней.
А Левка был герой.

<p> Лежала на курке его рука. И мы в толпе людской Узнали Левку, Измученного своего Дружка. Ах, Левка, Левка... Он ведь нас заметил И улыбнулся горько, Снова сник. Пронзительно шумел Осенний ветер И листья нам бросал За воротник. Мы в сад проникли, Встали под каштаном, Стояли к нему прилипшие спиной. </p>	<p> С милым Левкою простились. Ну что с того, Что Левка был еврей?! Зима пришла. Мы все в тревоге жили, Боялись полицаев, Как зверей. Война дотла Всех нас опустошила, Недоедали, В стужу мерзли мы. Нас смерть с суровой Выюгой сторожили, Но никуда не деться От зимы. Ходили за дровами на болото, </p>	<p> — Но вас же закопали. — Верно, Миша, Но я дышал И вылез из-под тел. Живых там много было. Задохнулись. И захлебнулись В омуте крови. Меня же в руку Чуть задела пуля, И вот живой... — Сто лет теперь живи! — Живу и мщу! Сейчас я в партизанах, Отряд наш мощный, Для врагов — гроза. — Но ты присядь, Ведь измотался за ночь. </p>	<p> Ходила слава По всей округе О его делах. В огонь и в ад Его судьба бросала — Так начинал он Молодость свою. Но пуля все же Левку отыскала: На Беседи Он был сражен в бою. Ах, Левка, Левка... Юность оттрубила. Герой. Ты вечно будешь молодой. Под тихой елью Левкина могила, Увенчанная алою звездой. </p>
--	---	---	--

Баурина, В. Хотимская трагедия 1942 года : [из материалов школьного музея СШ №1 об уничтожении еврейского населения 27 сентября 1942 года] / Валентина Баурина // Шлях Кастрьчніка. — 1997. — 6 верасня. — С. 2-3.